

ЗОЛОТОЙ ЯКОРЬ.

Меблированный домъ «Золотой Якорь» былъ большой, сомнительной чистоты, и мимо по улицѣ тоже грязноватой, заставленной нечистыми домами, съ утра до ночи грохотали по выбитой мостовой тяжелыя дроги съ кипами товара, — съ вокзала нескончаемо тянулись въ городъ.

На улицѣ была своя жизнь, въ «Золотомъ Якорѣ» — своя.

На улицѣ, толкаясь, озабоченно шелъ народъ, то и дѣло съ визгомъ отворялись и затворялись двери закусочныхъ, чайныхъ и дешевыхъ ресторановъ, выплывалъ паръ изъ харчевенъ и извозничьихъ трактировъ, бесчисленно пестрѣли вывѣски магазиновъ, лавочекъ, мастерскихъ, и важно дымили въ мутное небо темныя трубы фабрикъ.

Въ «Золотомъ Якорѣ» днемъ и ночью шло одно и то же: прѣзжали, уѣзжали, швейцары вносили и уносили чемоданы и корзины прѣзжихъ, а по номерамъ горничныя, съ погъ сбиваясь, прибирали, вытирали пыль, оправляли постели, таскали кувшинами воду для умывальниковъ.

По коридорамъ, задравъ головы, какъ возбужденные кони, мелкой рысцой бѣгали официанты. Каждый изъ нихъ безстрашно несъ на ладони надъ плечомъ большой подносъ съ кипящимъ самоваромъ, съ посудой. Потомъ бѣгали рысцой, подавали обѣды, потомъ чай, потомъ ужины, потомъ на нѣсколько часовъ заведутъ глаза, и опять утро, чай, приборка, обѣды, ужины, такъ безъ перерыва недѣли, мѣсяцы, годы.

Звонки въ комнатѣ для прислуги не прерывались, трепали назойливо, не умолкая, — кто-нибудь зачѣмъ-нибудь да ужъ звалъ.

Иногда въ этотъ однотонный ходъ манины врывались выходящія изъ порядка собыгя.

Однажды въ номерѣ повѣсился прѣзжии кунаецъ и внеслъ огромный, высунувъ черный языкъ, выпятивъ глаза, и толстая шея оплыла петлю.

Застрѣлился молодой офицеръ. Въ одномъ номерѣ прѣзжая помѣщица родила тройню, а въ другомъ послѣ безпробуднаго кутежа компанія вмѣсто дверей стала шагать въ окна и вывалилась со второго этажа.

Но собыгя проходили, и снова только чай, обѣды, приборка, прѣзжающіе и уѣзжающіе.

Какъ и все, официантъ, Андрошикъ, изъ трегьяго буфета въ четвертомъ этажѣ не знаетъ ни покоя, ни отдыха. Съ ранняго утра до глубокой ночи онъ рысцой бѣгаетъ по коридорамъ съ кипящимъ самоваромъ на ладони надъ

плечомъ, и лицо у него было землисто-блѣдное и матово отсвѣчивало клейкимъ потомъ. Страдалъ несвареніемъ желудка, имѣлъ красныя припухлыя слезящіяся вѣки, подѣдалъ и выпивалъ на ходу остатки отъ обѣдовъ и, казалось ему, жилъ на свѣтѣ лѣтъ семьдесятъ, а ему только на призывъ итти осенью.

Какъ и вся прислуга онъ жильцовъ дѣлилъ на ниже-рублевыхъ и выше-рублевыхъ. Свое человѣческое достоинство, гордость, часто надменность онъ проявлялъ по отношенію тѣхъ, кто платилъ за номеръ меньше рубля. Одинъ такой послѣ мѣсяца квартированія выложилъ тридцать копеекъ на чай. Андроникъ ихъ огодвинулъ и сказалъ:

— За баню больше плачу.

Все же, платившіе больше двухъ рублей за номеръ, казались ему красивыми, солидными, и онъ, не чувствуя униженія, кланялся имъ низко.

Мѣсяца въ два, въ три разъ урывался на полдня изъ гостиницы. Его обдавало уличнымъ просягоромъ, движеніемъ, запахами. Заходилъ въ кинематографы, слонялся по улицамъ, подолгу стоялъ передъ витринами и раньше срока возвращался въ гостиницу, какъ заключенный въ неизбѣжную тюрьму.

А въ гостиницѣ въ сутолокѣ, въ бѣготнѣ, между дѣломъ гдѣ-нибудь ловилъ горничную въ пустомъ номерѣ, и они, торопясь, коротко отдавались любви, и опять каждый бѣжалъ по своимъ дѣламъ.

Жизнь была каторжная,—онъ такъ и называлъ ее. Невозможно бы было тянуть ее, если бы впереди гдѣ-то отдаленно, смутно не маячила свѣтлой точечкой надежда. Передъ глазами стояла судьба хозяина гостиницы: былъ онъ тоже офиціантомъ, много лѣтъ тянулъ ляжку. Однажды опился кутившій молодой кучикъ.—Въ бѣлой горячкѣ повезли въ больницу, а офиціантъ предварительно опорожнилъ его карманы,—съ того и взялся, и теперь тысячами орудуегъ въ «Золотомъ Якорѣ».

И вся, сколько ни было здѣсь прислуги, вся она жила смутной надеждой такъ или сякъ, чистымъ или нечистымъ путемъ, а выбиться, какъ выбился хозяинъ.

Въ номерѣ пятьдесятъ второмъ жила дѣвушка съ миловиднымъ личкомъ, на которомъ странно сочеталась дѣтски-трогательная беззащитность, безпомощность и паглость.

Андроникъ, когда его спрашивали объ этомъ номерѣ, презрительно бросалъ: — Живымъ мясомъ торгуешь.

Глазами, подмигиваніями сзади, улыбочками онъ провожалъ ее и показывалъ другимъ. А она ему и всей прислугѣ платила тѣмъ же—обращалась надменно, капризничала, дожимала звонками, гоняла и, когда говорила, презрительно вздергивала носикъ, щурила глаза и роняла приказанія, не оборачиваясь, черезъ плечо.

Въ бѣломъ дѣвическомъ, нохожемъ на вѣнчалное, платьѣ слонялась она по цѣлымъ днямъ въ коридорѣ, подолгу стояла на верху устланной ковромъ лѣтницы, глядя на входящихъ, либо часами просиживала у окна или бесѣдовала по телефону смѣясь, кокетничая, не договаривая, полусловами, чтобъ не понимали швейцары.

А по вечерамъ изъ-за плотно закрытыхъ дверей ея номера слышался смѣхъ, звонъ рюмокъ, посуды, возня. Андроникъ то и дѣло приносилъ, стукнувъ въ дверь, закуски, вина. На диванѣ либо молоденькій офицеръ съ разгорѣвшимся лицомъ, либо студентъ, либо штатскій, все молодые, красивые, хорошо одѣтые, съ

деньгами—она разборчиво выбирала. У нея лицо все такое же пѣхло-дѣвичье, полудѣткое, и красиво вырѣзанныя поздри нагло раздуваются.

Андроникъ дѣлалъ свое дѣло, скользя мимо, все видѣлъ, точно въ полъ-глаза, не до того,—усталость, бѣготня, недосыпанія, боли въ желудкѣ, заботы, чтобы все было, какъ слѣдуетъ, наполняли все время, вниманіе, напряженіе. Его тоже не замѣчаютъ ни посѣтители, ни она—у нихъ свое.

Разъ ночью Андроникъ проснулся отъ свѣчи, которая ярко и назойливо безпокоила сквозь спяющіяся вѣки. Въ четвертомъ коридорѣ густо басомъ пробило три. Смутно и отдаленно пробило и во второмъ коридорѣ.

Андроникъ сѣлъ на постель, спустивъ мозолистыя пахнущія потомъ ноги.

— Чего такое?—недовольно спросилъ онъ, щурясь на свѣчу, игравшую радужнымъ ореоломъ.

— Слышь, хозяйнѣ велѣлъ... ступай, помоги... въ номеръ пятьдесятъ второй... слышь ты!..

Андроникъ разодралъ вѣки, потеръ кулакомъ. Стоялъ официантъ изъ нижняго этажа, гдѣ жилъ хозяйнѣ, и тѣни плясали по стѣнѣ,—свѣча что ли дрожала въ рукѣ.

— Да ты что же, прохлаждаться!.. говорю хозяйнѣ велѣлъ... Да не звони завтра объ этомъ, ежели не хочешь вылетѣть...

Поставилъ свѣчу и торопливо ушелъ.

Андроникъ почесалъ поясницу, потеръ еще кулакомъ глаза и сталъ натягивать брюки и штиблеты.

— И чортъ ихъ давить, и ночью покою нѣтъ. Въ первомъ ляжешь, въ шесть вставай, да ночью поднимаютъ—каторга! Гдѣ такіе порядки.

Онъ одѣлся, глянулъ въ огрызокъ зеркальца, пригладилъ ладонью волосы и, взявъ свѣчу, вышелъ изъ-подъ лѣтницы, гдѣ помѣщалась его каморка.

Въ длинномъ коридорѣ, слабо освѣщая, одиноко горѣла дежурная лампочка, и мѣрно чикала маятникъ большихъ отъ пола до потолка часовъ.

Однообразно темнѣли плотно занертыя двери, тая спящихъ, и у каждой двери нѣмыми свидѣтелями проведеннаго дня чернѣли выставленные парами ботинки.

Андроникъ подошелъ къ пятьдесятъ второму, постучалъ—тамъ было молочно тихо, хотѣлъ стукнуть еще разъ, раздумалъ и нажалъ. Дверь отворилась, и разомъ необыкновенное, чего онъ меньше всего ожидалъ, кинулось въ глаза: на полу посреди комнаты стоялъ тазъ съ водой, возлѣ таза—кровать, на кровати, выдѣляясь черными косами на бѣлой подушкѣ, дѣвушка съ страшно осунувшимся горячечнымъ лицомъ, черными кругами вокругъ ввалившихся глазъ. Рослая плечистая пожилая баба возилась возлѣ.

Андроникъ на секунду заппулся въ дверяхъ,—туда-ли попалъ. Баба грубо бросила:

— Ну иди что-ли... затвори... свѣти, держи свѣчку.

Тонкій давленый стонъ пронесся по комнатѣ.

— Цыцъ!.. али оголтѣла...

Андроникъ брезгливо отвернулся, сталъ лазить глазами по потолку, а со свѣчи стало капать на полъ.

... «Хозяйнѣ велѣлъ... чай и самъ пользовался тутъ... гостиницѣ доходить... скандаловъ не бываетъ... умѣетъ...»

— Держи свѣчу-то, уродина!..

Андроникъ глянулъ на подушку: на провалившемся лицѣ была несказанная, нечеловѣческая мука. Оскаленные зубы судорожно закусили платокъ, а руки царапали простыню. Стонать нельзя было—безпокойство квартирантамъ. Бабка возилась.

Глухой сквозь стиснутые зубы стоить все-таки прорвался.

— Цыцъ, тебѣ говорятъ!.. а то брошу да уйду.

Потная маленькая дѣвичья рука схватила руку Андроника, и глянули съ безумной мольбой глаза.

Андроникъ съ изумленіемъ глядѣлъ въ эти глаза,—только сейчасъ онъ увидѣлъ ихъ, увидѣлъ это незнакомое, такъ непохожее на прежнее лицо.

— Не капай свѣчкой, остолопина!..

Андроникъ, не отрываясь отъ ея молящихъ глазъ, вдругъ почувствовалъ, какъ она притянула его руку и, не отпуская, стала цѣловать сухими потрескавшимися губами.

У него задергало губы; бабка, кровать, черные волосы на бѣлой подушкѣ подернулись туманомъ, а свѣча радужно окрасилась. И, не сдержавшись, вдругъ приналъ къ изголовью и, скрипя зубами, всхлипнулъ, крѣпко держа маленькую потную ручку.

Кто-то билъ его по затылку, таскалъ за волосы.

— Остолопина... собака проклятая! постелю подожжешь... чортъ окаянный навязался на мою душу грѣшную. Прислали сатану оголтѣлую...

Потомъ ему нужно было выносить тазъ, убрать тряпки, притереть полъ, и онъ все дѣлалъ, мало понимая, судорожно всхлипывая, и сквозь радужный ореолъ колебалось пламя забытой на полу свѣчи.

А утромъ то же: звонки, самовары на ладони, завтраки, обѣды, предъявленіе счетовъ, ожиданія на чай. Только прислуга спрашивала:

— Чего-то у тебя глаза пухлые, ажъ выворотило вѣки, красныя, либо нынѣшествовалъ ночьку-то?..

— Такъ чегой-то. Все къ доктору собираюсь... Совсѣмъ миѣ нельзя смотрѣть на свѣтъ, а также и табачный дымъ вредить.

Мѣсяца черезъ полтора стали заходить въ пятьдесятъ второй тѣ же офицеры, студенты, штатскіе. Заглядывалъ и хозяинъ.

Также грохотали по грязной, тѣеной улицѣ мимо гостиницы драгиля съ вокзала, пріѣзжали и отъѣзжали постояльцы, швейцары вносили и выносили багажъ, и, не смолкая, звонили звонки въ комнаты прислуги.

На лѣстницѣ часто бѣлѣла дѣвичья фигура въ бѣломъ платьѣ или переговаривалась, смѣясь, полусловами по телефону. И когда, показывая на нее, спрашивали у Андроника:

— Кто такая?

Онъ, полухмыляясь и дѣлая бровями, говорилъ:

— Такая...

А. С е р а ф и м о в и ч ѣ .